

«ЧУТЬ-ЧУТЬ ЛЕВЕЕ ЦЕНТРА»: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ Ф. РУЗВЕЛЬТА

В. Л. Мальков

В последнее десятилетие в США появилось множество работ, отражающих неубывающий интерес специалистов по современной истории США к проблематике «нового курса», и в частности к его социальным аспектам. Но, пожалуй, никогда «наследие» Ф. Рузвельта (под этим в широком смысле обычно понимают его государственную и дипломатическую деятельность плюс метод политического мышления) не вызывало таких острых политических разногласий, как это случилось в последние два-три года. Не случайно в статье, приуроченной к 100-летию со дня рождения Ф. Рузвельта, журнал «Тайм», прослеживая линии размежевания в современной политической обстановке США, усмотрел их истоки в событиях 50-летней давности, ибо уже тогда, как писал журнал, проявилось все различие в подходах к решению национальных проблем со стороны двух ведущих группировок правящего класса¹.

Будь редакторы журнала более последовательными, они должны были бы признать, что ожесточенный спор по вопросу о том, был ли «новый курс» дурным подражанием западноевропейскому образцу или символом изначально присущих американскому буржуазному либерализму бескорыстных усилий сделать общество процветающим и гармоничным в социальном отношении, скрывает более серьезный и глубокий конфликт. Суть его — в столкновении двух концепций государственно-монополистического регулирования экономики и регулирования общественными процессами, само появление которых обусловлено острейшим кризисом, переживаемым сегодня американским капитализмом. Первая из них — псевдотрадиционалистская, воплощенная в рейгановском «новом федерализме», пропитанном ностальгией по экономике свободного рынка, религиозному морализму и политическому ультраконсерватизму; другая — более всего похожа на подновленное кейнсианство пополам с отголосками популистских идей.

Различие оценок в американской немарксистской историографии «нового курса» следует поставить в прямую связь с этой полемикой. Совпадение взглядов среди ее представителей можно обнаружить только по одному пункту: общепризнанно, что время подведения итогов еще не пришло, вопросы, поставленные эпохой экономических и социальных потрясений мирового капитализма в предвоенное десятилетие, еще не нашли ответа. Что касается нового

¹ Time, 1982, Febr. 1, p. 20—43.

поколения американских историков, воспитанных на легендах консенсусной историографии и разочаровавшихся в них, то они вынуждены начинать собственное изучение «нового курса» с критической переоценки постулатов апологетической литературы, с сомнений в отношении спекулятивных представлений о «рузвельтовской революции» как об историческом перевороте, будто бы в корне изменившем природу и лик американского капитализма. Во многих работах отмечается необходимость иного прочтения прошлого². Вместе с тем симптоматично, что обычно задаются вопросом, достиг ли Рузвельт поставленных целей в широком диапазоне проводимой его администрацией социально-экономической деятельности и если нет, то в чем причина провала объявленных им планов создания стабильной экономики, ликвидации бедности, пропасти между имущими и неимущими и всех других видов неравенства.

Главная задача статьи — рассмотрение диалектики общей направленности и особенностей политического развития в годы «нового курса», выявление методов и приемов, использованных буржуазным либерализмом для сохранения власти собственников, когда внутренние и внешние условия не только многократно усилили ее неустойчивость, шаткость, но и вызвали кризисные ситуации. Поскольку ключ к познанию объективного содержания процесса — в рассмотрении положения классов и конкретной практике классовых отношений, мы и обратимся к тому аспекту темы, который составляет самую ее сердцевину.

Социально-экономические реформы в США, хронологически охватывающие почти целое десятилетие и обычно связываемые с именем Франклина Д. Рузвельта, вошли в историю страны как эпоха «нового курса»³. Однако ничего принципиально нового в том, что сам Рузвельт первоначально собирался осуществить, разумеется, не было.

В. И. Ленин говорил: «На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ... Второй метод — метод „либерализма“, шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.»⁴ В свою очередь, этот сформулированный В. И. Лениным

² The New Deal. The National Level / Ed. by J. Braeman, R. H. Bremner, D. Brody. Columbus (O.), 1975, Introd.

³ В советской американистике примером плодотворной попытки углубить наши представления о стратегии и тактике экономического и социального маневрирования правящего класса США в эпоху общего кризиса капитализма могут служить работы: Сивачев Н. В. О некоторых проблемах государственного-монополистического капитализма. — Новая и новейшая история, 1980, № 3; Он же. «Новый курс» Ф. Рузвельта. — Вопр. истории, 1981, № 9; Печатнов В. О. Демократическая партия США: избиратели и политика. М., 1980.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 67.

общетеоретический вывод предполагает в каждом отдельном случае выяснение ряда специальных моментов, как-то: в результате действия каких исторических сил (объективных и субъективных) вызваны к жизни частичные преобразования, осуществленные на почве данного общественного уклада, как сказываются на их конкретной форме динамика классовой борьбы, объем массы ее участников, другие параметры, включая в первую очередь общую политическую обстановку — внутреннюю и международную.

Известное положение марксизма о том, что реформы являются побочным результатом классовой борьбы, полностью подтверждается всем ходом исторического развития США в эпоху империализма. Показательно, что первое серьезное проявление буржуазного реформизма как идейно-политического течения на американской почве было прямо связано с подъемом борьбы рабочего класса и оживлением широких демократических движений мелкой и средней буржуазии в конце XIX — начале XX в. Именно аграрный радикализм в лице популистского движения и усиление бунтарских настроений в рабочем движении, его сближение с социализмом⁵ вызвали к жизни феномен Вильяма Брайана. Помня о политической функции брайанизма как средства гашения социального протеста, отвлечения трудящихся от сознательной классовой борьбы и удержания их в рамках двухпартийной системы, очень важно вместе с тем отметить его способность преломлять миросозерцание широких масс, особенно мелкобуржуазных слоев, их стихийный демократизм в некое политическое действие, имитирующее преобразующее начало. Не порывая с партийно-политической машиной демократов, Брайан вместе с тем решился по-своему на рискованный шаг, предложив им суррогат левоцентристской платформы, скроенной на основе механического совмещения идей раннего популизма с антиимпериализмом и пацифизмом.

Не вдаваясь в частности, заметим, что наиболее типичным для брайанизма как разновидности буржуазного прогрессивизма было именно это стремление максимально подстроиться к самобытной традиции демократических низов, пронизанной ненавистью к крупной собственности, плутократии, войне, коррупции, внешнеполитическому экспансионизму, ощущением антагонистичности классовых отношений американского общества, царящих в нем хищнических порядков и бесправием неимущих слоев. Не случайно Брайан долгое время не оставлял мысли обратить демократическую партию в партию сторонников муниципальной собственности и пропагандировал лозунг национализации железных дорог⁶. Известно

⁵ США: политическая мысль и история. М., 1976, с. 305—319; Белявская И. А. Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978, с. 66—72; Козенко В. Д. Прогрессизм в демократической партии. — В кн.: Из истории внутриполитической борьбы и общественной мысли США. Куйбышев, 1981, с. 81—100.

⁶ Library of Congress, Louis Freeland Post Papers, Box 1, William J. Brayn to Post, November 12, 1904.

также, что он критически отзывался о попытках сделать США «мировым полицейским»⁷.

На фоне усиления внешнеполитической экспансии США в начале XX в., с одной стороны, и роста антиимпериалистических, антивоенных настроений в массах трудящихся — с другой, это заявление произвело на широкую публику довольно сильное впечатление и не могло не иметь положительного значения. Изобличения монополий, доброжелательное отношение к требованиям профсоюзов, заверения в верности пацифизму обеспечили «великому простодюдину» симпатии рабочих⁸, городских средних слоев, мелкого фермерства, радикальной интеллигенции, молодежи. Таким путем отвоевав у социалистов голоса многих их неустойчивых сторонников и попутчиков, брайанизм ценой легкой уступки радикальным настроениям объективно выполнил свою роль — дал толчок новой перегруппировке в составе избирательного корпуса демократов и тем самым способствовал приобретению ими репутации народной партии.

В дальнейшем приспособление в сущности весьма заурядного либерализма к изменениям общественных условий стало ведущей политической традицией демократической партии, несмотря на то что эти усилия временами стоили ей внутреннего разлада. Уже на заре своей длительной политической карьеры Франклин Рузвельт высоко оценил преимущества проявленной демократами способности к поверхностному перевоплощению, ставшей отличительной чертой демократической партии с знаменитого чикагского съезда (1896 г.)⁹, хотя по многим конкретным пунктам в перечне политических требований Рузвельт оставался противником брайанизма, отзываясь о нем как о малопочтенном прожектерстве и опасном заигрывании с огнем.

Мирозерцанию Франклина Рузвельта ближе была другая, более умеренная разновидность буржуазного реформаторства. К 1912 г. она выкристаллизовалась в политической философии Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона и получила воплощение в идее государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, модернизации трудового законодательства под эгидой государства, всей системы социальных отношений, оказавшихся в результате неконтролируемого хозяйничанья капитала на грани опасного обострения. Поскольку в условиях затухания аграрного радикализма к началу первой мировой войны весьма выпукло заявило о себе основное противоречие буржуазного общества — противоречие между трудом и капиталом, постольку центр тяжести либерализма этого рода обнаружил предрасположенность к акцентам на решении назревших проблем рабочей политики.

⁷ Griffith R. Old Progressives and the Cold War.— *Journal of American History*, 1979, Sept., p. 336.

⁸ Library of Congress. Louis Freeland Post Papers, Box 1, Post to William J. Bryan, November 8, 1908.

⁹ Дементьев И. П., Согрин В. В. О роли идеологии в истории двухпартийной системы США.— *Новая и новейшая история*, 1980, № 6, с. 64—79.

Вобравший в себя опыт либерального лицедейства «прогрессивной эры» политический реализм Франклина Рузвельта в своих исходных моментах был слепком тех прагматических идей, которые принято называть программой социальной мелиорации, выдвинутой буржуазными реформаторами в начале XX в. Его главные установки можно было бы суммировать следующим образом: во-первых, признание приоритета социальных проблем и, во-вторых, допущение в качестве равноправного наряду с другими идейными ценностями американизма тезиса об ограниченной социальной ответственности буржуазного государства, особенно в части восстановления «гармоничных» отношений между трудом и капиталом.

Экономический кризис 1929—1933 гг., обнажение и резкое обострение классовых конфликтов в стране «радикализовали» политическое мышление буржуазных либералов. Сами ведущие фигуры администрации «нового курса», включая президента, вынуждены были признать, что именно рабочий вопрос в годы «великой депрессии» занимал центральное место в их деятельности¹⁰, а ход событий заставил Рузвельта и его советников вплотную заняться этой наиболее острой и не терпящей отлагательств проблемой. Письма С. Розенмана, ближайшего советника Рузвельта-губернатора, свидетельствуют, что будущий президент уже зимой 1932 г. был весьма озабочен мыслью о том, как сделать, чтобы предстать перед простыми людьми Америки человеком прогрессивных убеждений, сторонником перемен¹¹.

Благодаря хорошо поставленной еще в годы избирательной кампании 1932 г. службе информации, психологической разведке новый президент и его «мозговой трест» были осведомлены о настроениях в промышленных центрах и фермерских округах, пораженных кризисом. Сомнений быть не могло — мятежный дух проник в сознание рабочей Америки. Лорена Хиккок, опытная и наблюдательная журналистка, исколесившая страну вдоль и поперек с Востока на Запад и с Севера на Юг, не скрывая внутреннего волнения, в регулярно посылаемых в Вашингтон Гопкинсу и президенту докладах рисовала трагические картины нищеты и бедствий, в которые все глубже и глубже погружалась страна¹². В каждой строке этого своеобразного памятника эпохи сквозила мысль: социальное напряжение достигло сверхопасного предела даже там, где подавляющее большинство трудового населения издавна отличалось «стопроцентным патриотизмом», политическим консерватизмом и повышенной религиозностью.

Пораженная фактом деградации материальных условий жизни тысяч семей, оставшихся без средств к существованию в силу безработицы и бездеятельности властей, Хиккок особый упор делала

¹⁰ Perkins F. The Roosevelt I Knew. N. Y., 1946, p. 31, 325; Leuchtenburg W. E. Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932—1940. N. Y., 1963, p. 32; Derber M. The New Deal and Labor.— In: The New Deal, p. 111.

¹¹ Franklin Delano Roosevelt Library, S. Rosenman Papers, General Correspondence, Box 2, Rosenman to L. Howe, January 27, 1932 (Далее: FDRL).

¹² Faber D. The Life of Lorena Hickok. E. R.'s Friend. N. Y., 1980, p. 137—152.

на то, что дальнейшее ухудшение положения может уже вскоре привести к неизбежной развязке — вооруженным столкновениям с применением оружия, накопление которого (особенно в шахтерских поселках) приняло угрожающие размеры. С часу на час ждали, что все эти ружья и револьверы «заговорят». Складывается впечатление, сообщала Хиккок, что только физическое истощение удерживает их владельцев от решительных действий¹³.

Поначалу легко было обмануться проявлениями апатии со стороны больших масс людей, нищенствующих, живущих на случайные подаяния. Тем не менее Хиккок за этим внешним безразличием ко всему, помимо заботы о хлебе насущном, смогла различить внутреннюю готовность поддержать курс на демократические реформы, идущие влево дальше обычного. Тревожные симптомы, по мнению Хиккок, заметнее всего были в среде молодежи. Именно здесь проявлялся повышенный интерес к социализму, к поиску альтернативы капиталистическим порядкам. В этой среде, отмечала она в одном из докладов, имя Ленина было у всех на устах¹⁴.

Еще одна примечательная черта секретных докладов Л. Хиккок — признание повсеместного и в сущности всеобщего стремления трудящихся видеть в правительстве, в государстве ту общественную силу, которая способна взять в свои руки главные рычаги управления экономикой и стать источником разнообразных социальных программ, а также работодателем вследствие того, что система частного предпринимательства потерпела очевидное фиаско в попытках решить проблему занятости.

Гарри Гопкинс, чье восприятие обстановки во многом опиралось на информацию Л. Хиккок и чьи хладнокровие, трезвая рассудительность и провицательность высоко ценились Рузвельтом, весной 1938 г. сделал следующую запись: «В 1932 г. примерно 15 млн. мужчин и женщин не имели работы. Люди говорили об экономической катастрофе и политической революции. Страх и паника овладели Америкой»¹⁵. Факт разочарования в капитализме как системе и возрастания притягательной силы социалистического идеала в народных массах, в широких слоях демократической общественности был признан и другими видными политическими деятелями¹⁶. Об этом же говорили растущий интерес к «советскому эксперименту» и популярность «русской темы» в периодической печати¹⁷.

Превосходно уловив зреющую решимость миллионов добиваться глубоких перемен, Рузвельт сделал шаг или, точнее, полшага навстречу их чаяниям, провозглашая знаменем национальной полити-

¹³ FDRL, L. Hickok Papers, Box 2, Hickok to H. L. Hopkins, August 31 — September 3, 1933.

¹⁴ Ibid., Hickok to H. L. Hopkins, March — April, 1934.

¹⁵ Ibid., Personal Letters in the Papers of Harry L. Hopkins, 1930—1946, Roll 17, «WPA Looks Forward» (May 23, 1938).

¹⁶ Library of Congress, W. Borah Papers, Box 325, Borah to Harry C. Thayer, April 11, 1931; Box 371, R. Robins to Borah, August 22, 1933.

¹⁷ New York Public Library, Norman Thomas Papers, Box 3, Ed. of «Harper's Magazine» to Thomas, March 1, 1933. (Далее: NYPL).

ки курс на реформы. Вместе с тем еще ничего нельзя было сказать, каково будет его конкретное воплощение. Знакомясь с программой нововведений, начертанной Рузвельтом в его выступлениях в разгар избирательной кампании 1932 г., Уолтер Липпман — один из известных американских политических обозревателей того времени — с нескрываемым разочарованием отметил, что убеждениям избранника демократов недостает соответствующих моменту определенности и продуманности¹⁸. Липпман ничуть не сгущал краски: бесцветность позитивной программы Рузвельта бросалась в глаза всем. Но он явно недооценил особенностей тактического мышления Рузвельта, поражавшего даже близко знавших его людей способностью гибко реагировать на меняющуюся обстановку, скрытно от всех подготавливая свои новые шаги. Видный юрист Франкфуртер, разъясняя Липпману его ошибку, писал об умении Рузвельта молниеносно менять позицию, о его склонности к неожиданным ходам, рассчитанным втайне, без посвящения посторонних, и целиком подчиненным его собственным тактическим замыслам¹⁹.

Прогноз Франкфуртера оправдался. Вступив в должность президента, поставленный лицом к лицу с рабочими и фермерскими волнениями и возможностью возникновения кризиса власти вследствие краха банковской системы и вспышки национальной паники, Рузвельт уже в марте 1933 г. отдал распоряжение о созыве особого совещания по рабочему вопросу под эгидой нового министра труда Фрэнсис Перкинс. Совещание призвано было обсудить два главных вопроса: чрезвычайные меры, вытекающие из катастрофического положения с занятостью, и задачи, связанные с реализацией долгосрочной программы «улучшения условий труда в США»²⁰. Повестка дня совещания включала такие меры, которые шли дальше обещаний предвыборной платформы демократической партии и существенно уточняли позицию самого президента. Было предусмотрено, например, обсуждение широкой программы трудового законодательства, обеспечивающей не только улучшение условий труда, но и восстановление «нормальной занятости». Президент хотел видеть на этом совещании представителей организованного рабочего движения, т. е. профсоюзов, чье участие на правах младшего партнера в процессе «реконструкции промышленной системы» рассматривалось им в качестве весьма важного условия успеха.

Программа встречи в Вашингтоне во многом не только предвосхищала трудовое законодательство «нового курса», но и предусматривала создание некоего подобия совещательного органа при министерстве труда, состоящего из специалистов и представителей профсоюзов.

¹⁸ Library of Congress, Felix Frankfurter Papers, Box 78, Walter Lippman to Frankfurter, September 14, 1932. Избирательная кампания Рузвельта не вызвала восторга даже у тех, кто ему симпатизировал. Но, как заявил один из них, Рузвельт «по крайней мере признал факт существования обыкновенного человека» (Ibid., Box 74, Harold Laski to Frankfurter, October 29, 1932).

¹⁹ Ibid., Box 78, Frankfurter to W. Lippman, October 13, 1932.

²⁰ Ibid., Box 150, Frances Perkins to Frankfurter, March 22, 1933.

Это был прообраз Консультативного совета по труду при Национальной администрации восстановления и его преемников — Национального управления труда и Национального управления по трудовым отношениям (НУТО)²¹. Ничего подобного в предвыборной платформе демократов не было, и никто даже из самого ближайшего окружения Рузвельта не подозревал, что президент сделает такой резкий крен в сторону признания роли профсоюзов в процессе регулирования трудовых отношений и одновременно падедения правительства весьма широкими полномочиями в деле поддержания «промышленного мира».

По-видимому, мало кто помнил, что еще в бытность свою помощником военно-морского министра в правительстве В. Вильсона Ф. Д. Рузвельт активно участвовал в выработке нового подхода к рабочей политике, основанного на государственно-монополистических принципах регулирования трудовых отношений²². Его составным элементом была идея вовлечения верхушки профдвижения в систему «партнерства», в которой ей суждено было играть подчиненную, всецело зависимую роль рядом с бизнесом и правительством.

Следуя именно этой концепции, Рузвельт уже в марте 1933 г. сделал широкий жест в сторону лидеров реформистских профсоюзов, приглашая их усесться за одним столом с министром труда, ведущими лидерами делового мира и выработать сообща программу преодоления кризиса в области производства, занятости, социальной помощи. Встречи в Белом доме, порог которого многие профсоюзные вожди переступали впервые, носили непринужденный и внешне даже доверительный характер²³. Настороженность, с которой многие из них встретили смену вахты в Вашингтоне, растворилась в радужных надеждах и прогнозах. Сидней Хиллман, президент Объединенного профсоюза швейников, очарованный обхождением и манерами президента, после обнародования законопроекта о восстановлении промышленности (НИРА) назвал последний чем-то вроде «овеществленной мечты»²⁴. А после того как Рузвельту в считанные дни удалось предотвратить полный финансовый крах и стать на этом фоне национальным героем, никто уже не хотел слышать предостережений от наивных заблуждений относительно судьбы «менял», денежных воротил, которых президент обещал изгнать из «храма». Трезвые голоса тонули в возгласах одобрения²⁵.

Чем бы в действительности ни руководствовалась новая адми-

²¹ Сивачев Н. В. США: Государство и рабочий класс. М., 1982, с. 233.

²² Там же, с. 74; Cuff R. D. The Politics of Labor Administration During World War I.— Labor History, 1980, Fall, p. 557—558.

²³ Josephson M. Sidney Hillman: Statesman of American Labor. Garden City, 1952, p. 360, 361.

²⁴ Ibid., p. 362.

²⁵ В леворадикальных кругах США высказывались опасения, что риторика Рузвельта, принимаемая массами на веру, способна ослепить их и создать ложное представление о том, кто в действительности сохраняет в своих руках рычаги власти в Вашингтоне. См.: NYPL, N. Thomas Papers, Box 3, Ernest Gruening to Thomas, March 9, 1933.

нистрация, почти единодушная реакция «забытых людей» Америки на первые акты «нового курса» посеяла тревогу у буржуазии. Беспорядок вызывал и новый политический ритуал президентской четы. Подчеркнутый демократизм и общительность Франклина и Элеоноры Рузвельт резко контрастировали с равнодушием к страданиям соплеменников и высокомерием ушедшего в отставку главы республиканского «правительства миллионеров». Для многих аристократов «денежного мешка» потрясением было узнать о том, что президент «на дружеской ноге» с подозреваемыми в связях с социалистами профлидерами. Попытки Элеоноры Рузвельт вызвать сочувствие к курсу на перемены путем пересказа докладов Лорены Хиккок о бедственном положении масс были с возмущением отвергнуты в буржуазных кругах²⁶. Сострадание было там не в почете, так же как и призывы к сдержанности и осторожности в решении трудовых конфликтов, обращенные к капиталистам. И то и другое изображалось как моральное поощрение актов насилия со стороны рабочих действиями, направленными на подрыв авторитета власти.

Раздражение лидеров делового мира накапливалось по мере того, как Рузвельт, стремясь попасть в тон общественному настроению, превращал тему безнравственности и безответственности «большого бизнеса» в особый раздел своих воскресных радиопроповедей для миллионной аудитории, жадно внимавшей каждому слову нового президента. Он делал это в знакомой многим манере Брайана, восхваляя стоицизм «простого человека» и порицая промышленных магнатов за безжалостные способы наживы на человеческом труде, за их бьющие в глаза враждебность, нетерпимость и заносчивость в отношении рабочих и профсоюзов, жестокосердие и вероломство. Рузвельт сознательно выбирал слова покруче и похлеще. Неудивительно, что предприниматели платили ему неприязнью, выговаривая за недостаток решимости и обвиняя в угодничестве перед неимущими слоями, мягкотелости, даже в тайных замыслах «советизировать» Америку. С конца 1933 г. в буржуазной печати то и дело стали появляться статьи, обвиняющие Рузвельта в скольжении по наклонной плоскости в сторону подстрекательства к революции²⁷.

Белый дом оказался в нелегком положении. Большая ссора с крупным капиталом никак не входила в его планы. Стремясь предотвратить обострение конфликта, Рузвельт доказывал, что он возник из-за упрямого нежелания монополистов постичь истинный смысл «нового подхода» к рабочему вопросу. Справедливости ради следует признать, что этот подход был обоснован Рузвельтом в речи 2 июля 1932 г. на предвыборном съезде демократической партии в Чикаго достаточно определенно. По его убеждению, обращение к силе, к полицейским репрессиям (без крайней необходимости) в борьбе с рабочей Америкой в накаленной обстановке могло вызвать непредвиденные политические последствия для двухпартийной си-

²⁶ Lash J. P. Eleanor and Franklin. N. Y., 1973, p. 509.

²⁷ Кредер А. А. Американская монополистическая буржуазия и «новый курс» Ф. Д. Рузвельта (1932—1940 гг.). — В кн.: Американский ежегодник, 1979. М., 1979, с. 129.

стемы. В речи Рузвельта явственно слышались отзвуки полемики с теми, кто был сторонником грубой расправы с любыми проявлениями социального неповиновения, инакомыслия, «социализма и коммунизма». К их числу следует отнести прежде всего Джона Гарнера, который тем не менее стал напарником Рузвельта по избирательному списку демократов. На фоне многочисленных карательных экспедиций правительства Гувера против движения безработных и фермерских выступлений, призывов раздавить их силой оружия заявления Рузвельта звучали вызовом приверженцам «порядка любой ценой», по всем признакам уже начавшим терять голову.

Это, разумеется, не означало, что Рузвельт отказался от использования репрессивно-полицейского аппарата и, в частности, ФБР в целях контроля за деятельностью профсоюзов, леворадикальных политических организаций, Компартии США и т. п. Напротив, администрация «нового курса» поставила дело тайной слежки за политической оппозицией на широкую погу²⁸. Однако вплоть до начала второй мировой войны, стараясь всемерно расширить социальную базу «нового курса», Рузвельт сдерживал усердных сторонников крутых мер. Рост радикальных настроений он решил «убить мягкостью» в комбинации с риторикой, способной убедить всех, что правительство стоит выше классовых интересов, что оно готово восстановить социальную справедливость и гармонию повсюду, куда простирается его власть. Развивая эти мотивы, супруга президента, чье влияние на стиль и методы социальной деятельности новой администрации было весьма заметным, придавала им форму близкую той, в которой вели свою агитацию многочисленные последователи социал-утопических взглядов Эдварда Беллами. Среди рьяных почитателей Беллами нашлись даже такие (и среди них Эптон Синклер), которые ошибочно считали, что у них появился влиятельный союзник в Белом доме²⁹.

Рузвельт придавал особое значение созданию нового имиджа федерального правительства и Белого дома как образцовых институтов государства «всеобщего благоденствия». Пустяковые усилия, не требующие никаких реальных затрат, могли иметь, с его точки зрения, большой психологический эффект и принести солидные политические выгоды демократической партии. Напомним о специальной службе почтовой переписки, которую широко использовал Белый дом в целях активного воздействия на общественные настроения в самых «горячих» районах страны, где брожение было доведено до крайности ухудшением экономического положения и бездеятельностью местных властей. Наблюдая плоды этих хитроумных усилий, Л. Хиккок была поражена контрастом между реальным значением тех или иных (чаще всего пропагандистских) жестов президента и их воздействием на воображение и эмоции людей, ищущих спасения от кризиса, нищеты и голода. Несмотря на декларативный характер многих заявлений Белого дома, констатировала она, Рузвельт

²⁸ Goldstein K. J. Political Repression in Modern America from 1870 to the Present. Cambridge, 1978, p. 213—216.

²⁹ Lash J. P. Op. cit., p. 510—512.

добивался своего: упования на решение всех проблем методом «сверху» возобладали в настроениях людей, сила движения протеста выдыхалась.

Одно из свидетельств тому — отрывок из доклада Хиккок Гопкинсу от 8 апреля 1934 г., в котором говорится об умелом манипулировании Рузвельтом наивными представлениями масс людей с помощью специально отработанной риторики. «Весьма забавно, — писала она, — но люди здесь (речь шла о шахтерских поселках Алабамы. — В. М.), кажется, все полагают, что знают президента Рузвельта персонально! Это вызвано, я думаю, частично тем, что они слышали его по радио, говорящего с ними самым дружеским, доверительным тоном. Подумайте только — они воображают, что он говорил с каждым из них в отдельности! Конечно, они не всегда понимают все, что он вкладывает в свои слова, и склонны истолковывать их так, как им хочется. Еще одна забавная штука — это огромное количество писем за подписью Рузвельта и госпожи Рузвельт, которые циркулируют здесь повсюду. Чаще всего они представляют собой всего лишь краткое и чисто формальное уведомление о получении жалобы или просьбы об оказании материальной помощи. Но я очень сомневаюсь, чтобы какой-либо другой президент или его жена были столь пунктуальны в отношении оповещения о получении писем от простых граждан. И люди воспринимают эти формальные извещения вполне серьезно, в качестве доказательства установления личных контактов с президентом. В определенном смысле это приносит огромный положительный эффект. Популярность президента и г-жи Рузвельт очень возросла. Многие из этих людей, привыкших видеть в лендлорде или предпринимателе своих благодетелей, теперь обращают взор к президенту и г-же Рузвельт! Они верят, что последние одарят их заботой и попечением»³⁰.

Нельзя недооценивать воздействия методов политического обольщения, которые широко использовались рузвельтовскими либералами. Процесс внедрения новых принципов правового регулирования трудовых отношений в рамках законодательства так называемых «первых 100 дней» (речь идет главным образом о праве на организацию в профсоюз) проходил в острейшей, порой кровопролитной борьбе, в которую периодически вынужден был вмешиваться Белый дом с тем, чтобы «водворить мир». Однако найденный президентом тон «честного маклера», незаинтересованного арбитра создавал иллюзию равноправия сторон, групп давления в системе трудовых отношений. По этой причине реальный смысл событий чаще всего не доходил до многих рядовых участников рабочего движения: уступки (право на профсоюз, установление минимума заработной платы и т. д.), вырванные рабочими у промышленных магнатов силой или угрозой применения силы, воспринимались ими как милость федеральных властей или как результат их совместных действий³¹. Правительство считало своим долгом поддерживать подобные лож-

³⁰ FDRL, L. Hickok Papers, Box 2, Hickok to H. L. Hopkins, April 8, 1934.

³¹ Johnson J. P. Drafting the NRA Code of Fair Competition for the Bituminous Coal Industry. — Journal of American History, 1966, Dec., p. 357.

ные представления и делало это весьма искусно. Особенно показательны в этом отношении события осени 1936 г. и весны 1937 г., когда ньюдиллеры оказались едва ли не перед самым трудным выбором.

«Сидячие забастовки», охватившие в этот период автомобильную промышленность, внесли в ситуацию элемент повышенной нестабильности. Страна оказалась на грани социальных беспорядков, беспрецедентных по масштабам и накалу. Переписка губернатора штата Мичиган Фрэнка Мэрфи показывает, как страстно хозяева корпораций, полицейские чины и консервативные политиканы в обеих буржуазных партиях жаждали реванша: бастующие рабочие, захватившие заводы, нанесли, в их понимании, тяжелый удар по священному праву собственности, посягнув на его неприкосновенность³². Мэрфи сначала обвиняли в непростительной медлительности, затем в неуважении к закону и, наконец, в тайном сочувствии коммунизму. В марте 1937 г. в буржуазных кругах возникло движение за отзыв его с поста губернатора, вызвавшее убийственную иронию Карла Сэндберга, вспомнившего в частном письме о клеветнической кампании против А. Линкольна (этого «тирана» и «глупца») в годы гражданской войны, инспирированной мичиганской финансово-промышленной олигархией³³.

Между тем никто лучше буржуазных реформаторов (а к ним принадлежал и Мэрфи) не видел, в какую пропасть нескончаемых социальных потрясений с опасным исходом для самих устоев двухпартийной системы и всей существующей структуры власти может завести слепая ярость охранителей и сторонников «порядка» любой ценой. У рузвельтовских либералов еще теплилась надежда, что нажиму рабочего радикализма, широких движений социального протеста можно противостоять, не прибегая без *крайней нужды* к прямому насилию, полицейскому террору и повальным арестам в духе памятной всем «красной паники» 1918—1920 гг. или вашингтонского побоища летом 1932 г. Своеобразным документальным памятником социальной философии либерализма эпохи «нового курса», как нам представляется, могут служить пояснения того же Мэрфи в отношении мотивов его поведения. В письме Каллахану 25 мая 1937 г. губернатор Мичигана, обвиняемый людьми его же круга в соучастии в покушении на частную собственность, признал, что все уступки рабочим были мерой вынужденной, диктуемой исключительно беспрецедентным характером возникшего кризиса и стремлением отвести угрозу всеобщей политической забастовки³⁴.

³² Michigan Historical Collection, Bently Historical Library, Frank Murphy Papers, Box 15, E. C. Jouston to O. G. Olander, January 5, 1937; O. G. Olander to Murphy, January 12, 1937; J. S. Bersey to Murphy, January 12, 1937; Box 16, A. H. Vandenberg to Murphy, February 15, 1937; H. C. Pratt to Murphy, February 20, 1937; Box 17, W. L. Smith to Murphy, March 17, 1937; Mchugh to Murphy, March 24, 1937; B. E. Hutchinson to Murphy, June 16, 1937. (Далее: MHC).

³³ Ibid., Box 17, C. Sandberg to Murphy, March 29, 1937.

³⁴ Ibid., Murphy to P. H. Callahan, May 25, 1937.

Такой же позиции в аналогичной ситуации, но в общенациональном масштабе придерживались и президент Рузвельт, и министр труда Ф. Перкинс, воздавшие должное тактике лавирования и поздравившие (в один и тот же день) Мэрфи с урегулированием конфликта, который, как выразился президент, «был чреват серьезными беспорядками и расстройством»³⁵. Во многих официальных заявлениях Рузвельт просил видеть в проводимой им политике реформ всего лишь комплекс превентивных мер против социальных потрясений революционного характера³⁶. Более прямолинейный и острый на язык Гарри Гопкинс говорил, что противники реформ толкают капитализм прямехонько на эшафот³⁷.

Итак, реформы «нового курса» не были ни актом милосердия, ни данью христианской добродетели. Они были результатом борьбы рабочих и предпринимателей, профсоюзов и корпораций, низов и верхов. Рабочий класс не был пассивен; не убоявшись жертв и лишений, он смело переходил в контрнаступление, буквально навязывая властям свою инициативу.

Говоря о генезисе социальной реформы «нового курса», очень важно учитывать и внешний фактор (еще одна специальная тема) — прежде всего прямое и косвенное воздействие притягательной силы достижений реального социализма в СССР, ликвидировавшего безработицу и обеспечившего последовательное осуществление широких социальных программ в области здравоохранения, просвещения, жилищного строительства, охраны труда, материнства и младенчества и т. д. Между тем известно, что апологетическая историография рассматривает рабочее законодательство «нового курса» в качестве дара президента, как свидетельство бескрайних симпатий и участливости, которые правительство Рузвельта якобы питало к профсоюзам³⁸. Мы видим, что на деле все обстояло иначе, и уже первые меры (широко разрекламированные печатью) в этой области выявили ограниченность либерального реформизма.

Начнем с того, что многочисленные недомолвки и изъятия рабочих статей закона о восстановлении промышленности, принятого в июне 1933 г., были на руку предпринимателям и корпорациям, которые часто использовали их в своих интересах. Под нажимом «боль-

³⁵ Ibid., Box 16, Franklin Delano Roosevelt to Murphy, February 11, 1937; F. Perkins to Murphy, February 11, 1937.

³⁶ Greer Th. H. What Roosevelt Thought: The Social and Political Ideas of Franklin D. Roosevelt. East Lansing (Mich.), 1958, p. 38.

³⁷ Principal Speeches of Harry L. Hopkins, Works Progress Administrator. Address by Harry L. Hopkins before the United States Conference of Mayors, November 17, 1936.

³⁸ Taft Ph. The A. F. of L. from Death of Gompers to the Merger. N. Y., 1959, p. 45; Burns J. M. Roosevelt: The Lion and the Fox. N. Y., 1956, p. 217, 218. Розенман, полемизируя после войны с авторами многочисленных работ о Рузвельте, решительно отвел все попытки представить Рузвельта политиком, расчетливо продумывавшим каждый шаг и следовавшим какому-то твердому и неизменному плану. По его убеждению, президент был политическим оппортунистом, который действовал чаще всего по принципу «смотря по обстоятельствам» и вовсе не отличался ни великодушием, ни прямоотой. См.: FDRL, S. Rosenman Papers, Rosenman to Jay J. M. Scandrett, July 25, 1950.

шого бизнеса» генерал Джонсон, глава Администрации восстановления, первое время вообще вел себя так, будто никаких изменений в статусе рабочих организаций не произошло³⁹. В довершение всего Рузвельт нанес весьма ощутимый удар по правам профсоюзов, зашицавшим систему «закрытого цеха», утвердив в августе 1933 г. кодекс автомобильной промышленности с так называемой оговоркой о заслугах (*merit clause*). Правительство тем самым санкционировало любые действия предпринимателей этой отрасли, которые в вопросах найма и увольнения могли поступать исходя из «индивидуальных заслуг» рабочего и не считаясь с тем, состоит он членом тред-юниона или нет.

Для большинства тред-юнионистов яростное сопротивление со стороны капитала попыткам рабочих воспользоваться правом, декларированным пунктом 7а НИРА, и позиция стороннего наблюдателя, занятая Вашингтоном, были неприятным сюрпризом⁴⁰. Тех, кто стремился видеть в рабочих статьях НИРА свидетельство особого расположения правительства к профсоюзам, могла бы насторожить брошенная президентом в 1934 г. реплика о том, что ему глубоко безразлично, что предпочтут рабочие, если пожелают воспользоваться пунктом 7а, — профсоюз или Королевское географическое общество⁴¹. Небрежение, обструкционизм — так характеризовал подход Рузвельта к требованию рабочих предоставить им законное право на коллективную защиту от произвола предпринимателей известный американский историк Д. Броуди⁴².

Однако заинтересованность широких масс рабочих в утверждении своего права на организацию в профсоюзы была столь велика, что дефекты НИРА, колебания и подозрительная уклончивость Белого дома какое-то время попросту оставались незамеченными ими. Рабочими овладел энтузиазм первопроходцев. Из уст в уста передавали неизвестно кем брошенные слова: «Президент хочет, чтобы ты вступил в профсоюз!» Немногие тогда знали, что Рузвельт этого не хотел. В момент окончательного редактирования билля о восстановлении промышленности (НИРА) в мае 1933 г. судьба его рабочих статей могла оказаться плачевной, если бы сенатор Вагнер, сознававший решимость профсоюзов добиваться их включения, в ультимативной форме не потребовал от представителей Национальной ассоциации промышленников отказаться от обструкции и не вынудил президента занять нейтральную позицию⁴³.

³⁹ Library of Congress, F. Frankfurter Papers, Box 150, Charles E. Wysanski, Jr. to Frankfurter, September 13, 1933.

⁴⁰ New York State School of Industrial and Labor Relations Library, International Union of Mine, Mill and Smelter Workers' (L. McLennan Papers), L. McLennan to Ch. Whiteley, April 23, 1934; National Archives, General Records of the Department of Labor, 167/2505 — 167/2585, Box 162, R. B. Stuart to F. Perkins, November 20, 1933, etc.

⁴¹ Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: Vol. 1—13 / Compl. and Coll. by S. I. Rosenman. N. Y., 1938—1950, vol. 1, p. 301.

⁴² Brody D. Workers in Industrial America: Essays on the Twentieth Century Struggle. N. Y., 1981, p. 145, 146.

⁴³ Huthmacher J. J. Senator Robert F. Wagner and the Rise of Urban Liberalism. N. Y., 1968, p. 147.

Еще летом 1933 г. Джонсон заверял предпринимателей, что НИРА не может быть использован «в качестве инструмента защиты интересов профсоюзов»⁴⁴. В марте 1934 г. уже сам президент США, выступив заодно с автомобильными магнатами, сорвал намечавшуюся всеобщую стачку рабочих автомобильной промышленности в защиту права на организацию в профсоюз и, отвергнув слабые полномочия АФТ достичь компромисса в выработке кодекса автомобильной промышленности, буквально навязал рабочим условия, продиктованные монополиями⁴⁵.

Видный американский исследователь истории рабочего движения в США в 30-е годы Сидней Файн приходит к следующему заключению: «История с принятием кодекса автомобильной промышленности, несмотря на все разговоры о партнерстве правительства, промышленников и рабочих в осуществлении НИРА, рельефно выявила тот факт, что организованное рабочее движение там, где оно не имело достаточных сил бросить вызов союзам предпринимателей, было в лучшем случае партнером с ограниченными правами. С того момента, когда был составлен набросок кодекса автомобильной промышленности, и до истечения срока его действия президент Рузвельт в ходе любого конфликта, возникшего между рабочими и администрацией предприятий, становился на сторону предпринимателей. Поступая таким образом, он раскрыл, возможно в преувеличенном виде, кое-что существенное в природе Национальной администрации восстановления и так называемого первого нового курса»⁴⁶.

Добавим, что и в последующем Рузвельт избегал брать на себя инициативу в продвижении дела социальной реформы или в осуществлении мер политического характера, расчищавших путь прогрессивному законодательству. Выжидание и лавирование — более характерная для него тактика. Во многих случаях (в особенности после 1938 г.), натолкнувшись на сопротивление, он предпочитал отступление открытой конфронтации с реакцией, давая сигнал к такому отступлению, казалось бы, вопреки всему, в том числе и вопреки собственной репутации президента-реформатора⁴⁷. Одни словесные доводы советников и политических сторонников никогда не могли заставить президента изменить своей линии балансирования между правым и левым флангами партии, свойственной ему настороженности в отношении перспективных идей в области социальных преобразований, гражданских прав и т. д.⁴⁸.

Рузвельт мог оказаться чуть левее признанной им самим радиональной линии поведения только под натиском народных сил. Иными словами, сами социальные реформы «нового курса» и их глубина

⁴⁴ *Fine S.* President Roosevelt and the Automobile Code.— *Mississippi Valley Historical Review*, 1958, June, vol. 45, N 1, p. 25.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 26.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 50.

⁴⁷ *FDRL*, A. Williams Papers, Box 4, Harry L. Hopkins to Franklin D. Roosevelt, September 11, 1935.

⁴⁸ *Koentger A. C.* The New Deal and the States: Roosevelt versus the Byrd Organization in Virginia.— *Journal of American History*, 1982, Mar., p. 876—896.

целиком зависели от силы «давления извне». Без поддержки массового движения ни один либеральный закон, ни одна программа не обретали реального значения и реального воплощения. И наоборот, ослабление этого движения в результате упования на автоматизм перемен в связи с появлением «друзей» рабочих в Белом доме и конгрессе, притупление политической активности масс тормозили принятие назревших реформ или вообще снимали их с повестки дня.

Для понимания многих особенностей социальной политики Рузвельта важное значение имеет рассмотрение деятельности администрации «нового курса» в сфере занятости, а также использования природных и трудовых ресурсов.

Проблема безработицы была главной и наиболее острой, не терпящей отлагательства. Уже в 1930 и 1931 гг. рабочее движение с редким единодушием выступало в защиту выдвинутого его левым крылом требования организации широкой системы общественных работ для безработных. Как обычно, оставаясь уклончивым в определении конкретных мер в случае прихода к власти, Рузвельт тем не менее в ходе кампании 1932 г. обещал заняться этим вопросом. Он увязывал его с задачами внедрения принципов государственного регулирования хозяйственной жизни, рационального использования и консервации природных ресурсов, а также со строительством под эгидой государства крупных объектов общественного назначения — электростанций, дорожных и водозащитных сооружений и т. д.⁴⁹

Первый шаг в этом направлении Рузвельт сделал в начале апреля 1933 г., создав Гражданский корпус консервации природных ресурсов (СКК), представлявший собой сеть трудовых лагерей для безработной молодежи. Позднее, в соответствии с законом о восстановлении национальной промышленности, была создана Администрация общественных работ (ПВА) во главе с Г. Икесом. Располагая значительными финансовыми средствами (3,3 млрд. долл.), она развернула работу на сравнительно немногочисленных крупных объектах, главным образом в сфере дорожного, военного и гидроэнергетического строительства. Ни СКК, ни ПВА не решились, и не могли решить, проблемы, хотя администрация широко рекламировала их как пример верности общественному долгу.

Сам Рузвельт еще весной 1933 г. держался заметно в стороне от активного участия в обсуждении долгосрочных программ занятости, вызывая тревожные чувства у всех, кто возлагал надежды на его решительные и последовательные действия в этой сфере⁵⁰. Рост недовольства, надвигавшаяся суровая зима, грозившая гибелью тысячам людей, вынудили президента изменить свою позицию. В по-

⁴⁹ Schlesinger A. M., Jr. *The Crisis of the Old Order, 1919—1933*. Melbourne, London, Toronto, 1957, p. 468—470; Graham O. *Toward a Planned Society*. N. Y., 1976; Freidel F. *Launching the New Deal*. Boston, 1973; Шкудин М. З. К истории государственно-монополистической социальной политики США, 1929—1939. М., 1980, с. 98.

⁵⁰ Library of Congress. F. Frankfurter Papers, Box 74, Robert M. LaFollette, Jr. to Frankfurter, April 4, 1933; Box 150, Frankfurter to Florence Perkins, April 4, May 2, 1933.

ябре 1933 г. в спешном порядке была создана Администрация гражданских работ (СВА) — изобретение Г. Гопкинса и одно из самых популярных, хотя и недолговечных детищ «нового курса». Цель, которая ставилась перед этой организацией, состояла в том, чтобы в преддверии голодной зимы 1933/34 г. обеспечить временной работой до 4 млн. безработных. Вопреки ожиданиям президент и конгресс без проволочек и колебаний согласились с проектом Гопкинса. Объясняя эту беспрецедентную уступчивость, Гопкинс говорил в 1937 г.: «Многие ведущие лидеры делового мира, когда наступила зима 1933/34 г., примчались в Вашингтон и слезно молили выделить дополнительные ассигнования...»⁵¹.

Так, ища спасения от голодных бунтов и взрывов массового возмущения, федеральные власти положили начало поистине уникальному в условиях США социальному эксперименту: в общей сложности было введено в действие примерно 400 тыс. объектов⁵², управление которыми находилось в руках государственных чиновников и армии. На местах СВА поощряла создание кооперативных предприятий самого различного профиля, функционирующих (и весьма успешно) на началах рабочего самоуправления. Таким путем удалось трудоустроить и обеспечить пропитанием миллионы безработных, людей самых разных профессий — от лесорубов до писателей и художников. Их заработки были не ниже тех, которые получали работающие на частных предприятиях, что и послужило поводом для злобных наскоков представителей буржуазных кругов на СВА. Только поводом, ибо было ясно, что их опасения простирались дальше заботы о сохранении конкурентоспособности. В начинаниях СВА усмотрели прообраз существующего параллельно и на равной основе с частным бизнесом государственного сектора. А это означало, что вопрос быть или не быть СВА приобретал принципиальный политический характер.

Подобно тому, как парижская буржуазия после февраля 1848 г. искусственно восстанавливала общественное мнение Франции и Европы в отношении национальных мастерских, так и буржуазная печать США дружно принялась выставлять у позорного столба общественные предприятия под эгидой СВА, изображая их «троянским конем» в лоне капитализма. Дело приняло неожиданный оборот, и президент счел необходимым вмешаться. Воспользовавшись тем, что к весне 1934 г. социальное напряжение во многих местах благодаря принятым мерам и улучшению экономической конъюнктуры несколько ослабло⁵³, Рузвельт поторопился положить конец этим вызывающим столь негативную реакцию буржуазии мероприятиям⁵⁴.

⁵¹ Principal Speeches of Harry L. Hopkins, Works Progress Administrator. Address of Harry L. Hopkins at Babson Institute, June 12, 1937.

⁵² Schlesinger A. M., Jr. The Coming of the New Deal. London, Melbourne, Toronto, 1960, p. 262.

⁵³ FDRL, L. Hickok Papers, Box 2, Hickok to H. L. Hopkins, April 11, 1934.

⁵⁴ Bremer W. W. Along the American Way. The New Deal's Work Relief Programs for the Unemployed. — Journal of American History, 1975, June, p. 642, 643.

Созданная весной 1935 г. в рамках реализации «национального плана предоставления работы» Администрация по обеспечению работой (ВПА) была начисто лишена всяких черт, делавших ее хотя бы внешне похожей на вызов частнокапиталистической экономике. С созданием ВПА капитал примирился, тем более что Рузвельту и Гопкинсу удалось сделать конгресс сговорчивым путем обещания направить львиную долю ассигнований на военное строительство и установить более низкое денежное вознаграждение за труд на объектах ВПА по сравнению с частным сектором⁵⁵. Программа общественных работ, осуществлявшаяся под эгидой ВПА вплоть до 1943 г., хотя и не решила проблему занятости⁵⁶, в отдельные годы представляла работу 3,5—4 млн. человек.

Профсоюзы и организованное движение безработных решительно настаивали на расширении и планомерном развитии общественных работ, признавая их большое положительное значение. Многие влиятельные представители администрации разделяли эту точку зрения, полагая, что они отвечают целям программы поэтапной реконструкции и модернизации капиталистической системы, ее приспособления к изменившимся условиям. Гопкинс, например, выступая в сентябре 1938 г. в Сиэтле, говорил, что предвидит осуществление «великой программы федеральных общественных работ» продолжительностью в 20 и более лет. Неотвратимость такой перспективы он считал делом само собой разумеющимся. «Я рассматриваю такую программу в сочетании с системой социального страхования по безработице в качестве единственной возможности обеспечить средствами существования армию хронически безработных людей», — сказал он⁵⁷. Г. Икес также настаивал на создании постоянно действующей системы общественных работ в качестве своеобразной приставки к частнокапиталистической экономике, выполняющей роль поплавка и стимулятора ее роста⁵⁸.

Рузвельт всегда с опаской относился к подобным настроениям, но еще весной 1933 г. он вынужден был согласиться с идеей создания специального агентства, приданного ПВА в целях выработки рекомендаций в отношении планирования, размещения и рационального использования системы общественных работ в интересах

⁵⁵ Мальков В. Л. Гарри Гопкинс: страницы политической биографии. — Новая и новейшая история, 1979, № 2, с. 138—139, 141.

⁵⁶ Обри Вильямс (правая рука Гопкинса) самокритично признавал, что по отношению к подлинным масштабам национальной трагедии правительством в сфере помощи безработным делалось ничтожно мало. См.: FDRL, A. Williams Papers, Box 5, Williams to Mrs. Isaac P. Witter, October 1, 1934.

⁵⁷ Tacoma News Tribune, 1938, Sept. 17.

⁵⁸ Library of Congress, H. Ickes Papers, Box 161, Ickes to Hiram W. Johnson, September 21, 1935. В набросках отдельных выступлений Гопкинса мы находим положения, из которых видно, что в случае сохранения массовой безработицы он не исключал возможности постепенного вытеснения частных капиталистических предприятий государственными. Избежать такого исхода, нежелательного для буржуазии, считал он, капитал мог бы, только взаимодействуя с правительством и гибко приспособляя свою стратегию к изменившимся условиям. См.: FDRL, Personal Letters in the Papers of Harry L. Hopkins, 1930—1946, Roll 17, «What Price Recovery».

экономического развития страны. Так возникло Управление планирования национальными ресурсами (УПНР)⁵⁹, которое во многом на свой страх и риск занялось изучением вопросов перспективного экономического планирования, главным образом в области занятости и природопользования.

Одно время казалось, что УПНР, после 1939 г. перешедшее непосредственно в подчинение президента и ставшее органической частью управленческого аппарата Белого дома, в перспективе сможет играть важную роль в формулировании экономической политики и определении национальных приоритетов. Однако проекты его основателей разбились о непрístupное сопротивление монополистических кругов, резко воспротивившихся этому незначительному покушению на их привилегии в определении экономической стратегии и заставивших президента положить конец «радикальной экспансии» сторонников внедрения планового начала в деятельность хозяйственного механизма, регулирования социального развития и усиления федерального контроля за использованием природных ресурсов.

Была только одна область социальной политики, в которой Ф. Д. Рузвельт охотно выступал с опережающей политической инициативой. Имеется в виду охрана природных богатств. В этой области его личные представления о «сбалансированной цивилизации» и научно обоснованном природопользовании перекликались с концепциями сторонников усиления регулирующей роли государства в экономике в целях ограничения разрушительных последствий частнокапиталистической конкуренции. Природные ресурсы страны, рациональное использование которых под государственным контролем является важнейшим условием экономического благополучия нации, должны были стать, по его мнению, сферой приложения правительственных усилий крупных масштабов. Во имя благополучия будущих поколений американцев Рузвельт предлагал расширить практику приобретения государством заброшенных земель, лесных участков, находившихся в частных руках, и внедрения принципов общественного регулирования частнопредпринимательской деятельности в сфере эксплуатации природных ресурсов⁶⁰.

Окружив себя значительным числом весьма энергичных сторонников реформ, Рузвельт уравнивал их политическое влияние сохранением прочных связей с представителями консервативных кругов — лидерами финансово-промышленного капитала (Б. Барух, Дж. Кеннеди и др.), политиками-южанами, местными политическими боссами и т. д. Он гасил преобразовательный пыл некоторых решительно настроенных ньюдиллеров процедурой длительного просеивания идей и проектов сквозь сито «согласительных» комиссий, искусной игрой на противопоставлении мнения одних мнению других, упреждающими маневрами, частично снижающими остроту проблем. В этой обстановке даже у самых больших почитателей «ново-

⁵⁹ Karl B. D. Executive Reorganization and Reform in the New Deal. Cambridge, 1963; *Idem*. Charles E. Merriam and the Study of Politics. Chicago, 1974.

⁶⁰ МНС, F. Murphy Papers, Box 19, Franklin D. Roosevelt to Murphy, March 15, 1938.

го курса» рождались опасения, что политика лавирования и плутание без компаса в море эклектических идей и представлений не имеют будущего. Об этом не принято было говорить открыто, но предчувствие абсолютной ненадежности всех усилий вернуть стране процветание методом «латания дыр» и проводимых от случая к случаю пожарных мер часто посещало ближайших помощников президента.

В 1940 г. Г. Икес писал, например: «Конечно, я знаю хорошо, что новый курс так же несовершенен, как и любая другая политическая программа. Если говорить о том, что мы имеем на сегодняшний день, то она, вне всякого сомнения, имеет крупные недостатки как в отношении целей, так и в отношении способов осуществления. Однако время исправит ее дефекты, если, разумеется, у нас будет достаточно времени... Я начинаю опасаться, что как раз времени у нас может не хватить для того, чтобы привести в приличный вид наш дом...»⁶¹.

На собственном горьком опыте демократические пиизы также познавали политическую механику либеральной эры. В правительственных выступлениях продолжали звучать оптимистические ноты. Однако экономическое положение и социальный статус больших масс трудящегося населения (женщин, афро-американцев, мелких фермеров и т. д.) если и изменились к лучшему, то лишь в ограниченных пределах. Многие важные требования рабочего класса не были удовлетворены. Так, после двух лет пребывания правительства Рузвельта у власти дело с подготовкой законопроекта о социальном обеспечении по безработице и старости почти не сдвинулось с места. Было бы ошибочно искать объяснения этому только в опасениях Рузвельта натолкнуться на труднопроходимое препятствие в лице оппозиции в конгрессе⁶². Правительство по собственной инициативе тормозило реформу социального обеспечения. В ходе знаменитых «первых 100 дней» (1933 г.) оно не сочло даже возможным поставить ее на обсуждение конгресса. В дальнейшем Рузвельт показал, что он не видит срочности в деле разработки законодательства о социальном страховании⁶³.

Послания, которые в январе 1935 г. президент направил в конгресс, были отмечены умеренностью⁶⁴, хотя в них и говорилось о необходимости значительных ассигнований на расширение общественных работ и содержалась рекомендация принять закон о социальном страховании. Характерно, однако, то, что, выступив наконец с этими давно ожидаемыми от него предложениями, правительство оказалось в ссоре... с прогрессистским блоком в конгрессе, который

⁶¹ Library of Congress, H. Ickes Papers, Box 160, Ickes to Chester A. Braman, January 22, 1940.

⁶² В тот период Рузвельт заявлял, что оппозиция в конгрессе «не является серьезной; она возникает каждый год, но с ней всегда нетрудно справиться, посвятив этому некоторое время» (New Deal Mosaic: Roosevelt Confers with his National Emergency Council, 1933—1936. Eugene (Oreg), 1963, p. 449).

⁶³ Huthmacher J. J. Op. cit., p. 175—176; Library of Congress, F. Frankfurter Papers, Box 49, Thomas G. Corcoran to Frankfurter, June 18, 1934.

⁶⁴ Huthmacher J. J. Op. cit., p. 182.

справедливо нашел их неудовлетворительными. Прогрессисты критиковали правительство за многочисленные уступки буржуазной реакции, ведущие к ущемлению интересов трудящихся. Вялое течение слушаний в конгрессе проходило на фоне почти полного замирания правительственной активности⁶⁵. Неожиданное одобрение комитетом по труду палаты представителей внесенного членом палаты представителей от фермерско-рабочей партии Миннесоты Э. Ландином разработанного Компартией билля о социальном страховании заставило правительство в экстренном порядке выступить с собственным законопроектом, которому была обеспечена поддержка абсолютного большинства обеих палат конгресса, но который во многом отличался от билля Ландина, и отличался в худшую сторону⁶⁶.

Настораживающим молчанием окружил президент и повторное прохождение весной 1935 г. через обе палаты конгресса знаменитого законопроекта Вагнера о трудовых отношениях, хотя ему было обеспечено подавляющее большинство голосов членов сената и палаты представителей. Ф. Перкинс писала, что билль Вагнера никогда не рассматривался Рузвельтом в качестве составной части его собственной программы. Более того, администрация (и сама Перкинс) делала все, чтобы торпедировать билль⁶⁷. Сенатор Вагнер был так напуган этим холодным приемом, что выхолостил собственный билль, отказавшись распространить его положения на сельскохозяйственных рабочих. Оправдываясь, он писал в апреле 1935 г., что реальная угроза полного провала билля сделала его (Вагнера) податливым любому нажиму⁶⁸. Он ничуть не преувеличивал: опасность преследовала билль буквально по пятам. Накануне решающего голосования в сенате 15 мая 1935 г. на пресс-конференции Рузвельт заявил, что еще никак не определил своего отношения к биллю Вагнера⁶⁹. Это означало, что можно было опасаться самого губительного исхода — вето президента.

И вдруг резкий поворот от созерцательности и проволочек к демонстрации приверженности «подлинному» (как писал Тагуэлл)⁷⁰ прогрессивизму, активной поддержке самого радикального в истории американского государства социального законодательства, включая билли о социальном страховании, о трудовых отношениях, налогообложении крупных состояний и т. д. Существенно менялась сама риторика президента. Обличения беспредельной алчности и хищничества монополистов в духе популистов, Брайана и Лафолетта-старшего сопровождалась признанием приоритета интересов немущих слоев в государственной политике «национальной реконструк-

⁶⁵ Шкундин М. З. Указ. соч., с. 142, 143.

⁶⁶ Сивачев Н. В. США: Государство и рабочий класс, с. 212, 213. Билль Ландина предусматривал сосредоточение контроля за осуществлением социального страхования по безработице в руках самих трудящихся.

⁶⁷ Perkins F. Op. cit., p. 239. См. также: Печатинов В. П. Демократическая партия США: избиратели и политика, с. 16; Brody D. Op. cit., p. 144.

⁶⁸ NYPL, N. Thomas Papers, Box 8, Robert F. Wagner to N. Thomas, April 1, 1935.

⁶⁹ Huthmacher J. J. Op. cit., p. 197.

⁷⁰ Tugwell R. G. The Democratic Roosevelt, Garden City, 1957, p. 341.

ции». Летопись американского президентства, пожалуй, не знала такого крутого зигзага.

В ежегодном послании конгрессу в январе 1935 г. Рузвельт заявил, что не хочет вносить изменений в существующую налоговую систему. 7 июня на пресс-конференции он сказал, что проблема налогов его не занимает. Но уже 19 июня в послании конгрессу президент предложил ввести прогрессивный налог на крупные состояния и прибыли корпораций. Оппозиция кричала о «трюках» президента, перехватывавшего голоса у левых и правых экстремистов типа Х. Лонга, Ч. Кофлина и др. Однако Белый дом, хотя и в сильно урезанном виде, добился от конгресса одобрения законопроекта. 5 июля 1935 г. Рузвельт поставил свою подпись под законом Р. Вагнера о трудовых отношениях, подтвердившим и усилившим права рабочих на организацию в профсоюз и коллективный договор, зафиксированные в статье 7а НИРА. 14 августа 1935 г. Рузвельт подписал закон о социальном страховании.

Таким образом, внезапно в течение жарких летних месяцев 1935 г., после длительной раскачки и выжидания правительство Рузвельта вновь обрело вкус к социальной реформе. Многие буржуазные историки теряются в догадках, размышляя по поводу происшедшей метаморфозы. Лектенберг, например, писал, что Рузвельт сделал это «по причинам, не вполне понятным», а конгресс, в свою очередь, проголосовав за поддержанные правительством билли (еще вчера встречавшие более чем прохладное отношение Белого дома), также раз и навсегда «поверг всех в недоумение»⁷¹. Разумеется, разгадку следует искать не только в одних предвыборных соображениях. В эволюции «нового курса» ярко проступает стремление Рузвельта решить общую стратегическую задачу буржуазного прогрессизма в условиях острейшего кризиса капиталистической системы — подчинить себе массы, превратить рожденные ими в ходе движения снизу формы организации в «удлиненную руку» существующей политической системы классового господства буржуазии.

Оценивая обстановку летом 1935 г., министр внутренних дел Икес высказал убеждение, что «страна настроена куда более радикально, чем правительство в целом и каждый из нас в отдельности»⁷². На новую ступень поднялось движение безработных, после того как наметилось, а затем было осуществлено под эгидой коммунистов и социалистов объединение всех его организаций. Нара-

⁷¹ Leuchtenburg W. E. Op. cit., p. 151.

⁷² Wisconsin State Historical Society Library, R. Robins Papers, Box 27, H. L. Ickes to Robins, August 19, 1933. Увеличивавшийся разрыв между буржуазными либералами и ушедшими влево массами тревожил не одного Икеса. Нельзя пройти мимо многозначительного замечания мэра Нью-Йорка Ф. Лагардиа, содержащегося в письме другу в связи с оценкой общей ситуации в стране и перспектив ее политического развития. В апреле 1938 г. он писал, что многие близко стоявшие к нему политики «порой выражали опасения, что я (Лагардиа.— В. М.), случалось, бывал немного более радикальным, чем это казалось необходимым, но последующие события, возможно, убедили их, что в то время я верно угадывал общую тенденцию» (New York City Archives, F. H. La Guardia Personal File, Location 2675, La Guardia to E. M. Elciott, April 4, 1938).

стала волна всеобщих забастовок в основных отраслях промышленности. Стихийно, снизу ширилось движение за организацию массовых профсоюзов. В большинстве случаев его возглавляли по-боевому настроенные рабочие лидеры.

Разочарование в «политике улыбок» накапливалось медленно, но неуклонно. Архив Л. Хиккок — прекрасное свидетельство вызревания новых настроений, последовательного «самовозгорания» мятежного духа в рабочей среде, отвергавшей полумеры, ищущей опоры в сплочении, организации и новых конструктивных идеях социального прогресса, выходящих за узкие рамки буржуазного права⁷³. Изучив обстановку в промышленном Огайо осенью 1935 г., Хиккок отметила, что «медовый месяц» в отношениях между рабочими и администрацией в Вашингтоне похоже подходит к концу по мере распространения мнения, что Рузвельт — всего лишь «еще один президент», тогда как «большой бизнес» по-прежнему вершит всеми делами. Она подчеркивала, что все реже сталкивается с упованием на благоволение просвещенного правления и все чаще — с убеждениями в необходимости взять контроль за осуществлением нового законодательства в собственные руки, так сказать, явочным путем, добиваясь не только претворения законов в жизнь, но и совершенствования и углубления их в интересах трудящихся⁷⁴.

Однако рабочий класс не был един в своих представлениях об обстановке и в своих устремлениях. Сказывался, в частности, прилив мелкобуржуазной стихии в виде широких движений социального протеста, не однозначных по своему характеру, преследующих часто различные, порой прямо противоположные цели. Это вносило серьезную путаницу в обстановку, в ряде случаев вело к оживлению отсталых настроений, используемых реакцией для ведения антирадикальной и антилиберальной пропаганды, для игры на страхах, расовых предрассудках и политических предубеждениях. Самое слабое звено в коалиции «нового курса»: мелкобуржуазные массы на Юге, Дальнем и Среднем Западе, часть городских средних слоев (в особенности находящихся под влиянием католической церкви) — было подвержено наибольшим колебаниям, что передавалось и пролетарским слоям, чей собственный политический опыт был слишком ограничен⁷⁵.

В реальных противоречиях социально-политической обстановки, ее контрастах Рузвельт искал оправдание и предлог для отказа от четкого формулирования задач правительственного курса в области социальной политики, контуры и перспективы которого оставались расплывчатыми, неопределенными. К тому же Рузвельт не единож-

⁷³ FDRL, L. Hickok Papers, Box 2, Hickok to H. L. Hopkins, June 1, 1934; Hickok to A. Williams, August 15, 1934.

⁷⁴ Ibid., October 10, 1935.

⁷⁵ FDRL, A. Williams Papers, Box 2, E. C. Lindeman to Williams, March 26, 1937; Box 4, Williams to Eleanor Roosevelt, August 18, 1939; Papers of Harry L. Hopkins, Confidential Political File, 1938—1940; Box 120, Samuel C. Cleland to Daniel C. Roper, November 14, 1938; Печаннов В. О. Демократическая партия и ее электорат в годы «нового курса». — В кн.: Американский ежегодник, 1980. М., 1981, с. 83, 84.

ды обещал буржуазии, что эра либеральных реформ не будет длиться бесконечно. Уже осенью 1935 г., к огорчению своих сторонников, правительство объявило, что наступила «передышка». 1936 год — год президентских выборов — подтвердил, что перемирие с капиталом лидер демократической партии хотел бы превратить в прочный мир ценой приглушения социального аспекта деятельности администрации. Рузвельт по-прежнему от случая к случаю обрушивался на «экономических роялистов», «обворовывающих других людей». Но ничего конкретного и особо обнадеживающего в отношении улучшения, усиления и углубления социального законодательства сказано не было. И еще меньше сделано.

Президент оставался глух к призывам поддержать кампанию в пользу принятия законопроекта Вагнера о государственном жилищном строительстве, в чем были заинтересованы неимущие слои перенаселенных промышленных центров. Распространение трущоб в городах достигло размеров национального бедствия, однако Белый дом оповестил общественность, что не считает рекомендации сторонников государственного жилищного строительства для бедняков относящимися к числу «обязательных» мер⁷⁶. Рузвельт отказался поддержать антирасистский билль Вагнера—Ван Найса—Гавэгана, объявлявший суд Линча уголовным преступлением, относящимся к юрисдикции федеральных судебных властей. Блок южных демократов, писал Хачмейкер, действовал так эффективно, что Рузвельт не посмел пошевелинуть пальцем в защиту жертв антинегритянского террора⁷⁷. Отрицательное отношение президента предопределило провал кампании за осуществление идеи создания государственной системы здравоохранения, хотя, как признавалось ее противниками, огромные массы населения были на ее стороне⁷⁸.

Платформа демократической партии к выборам 1936 г. оставила впечатление документа, сделанного по меркам оппозиции. Многие советники Рузвельта полагали, что программа должна была бы отразить намерение демократов развивать и дальше дело социальной реформы. Однако Рузвельт не изменил ни слова в этом документе, выработанном специальным комитетом. Примечательно, что во главе комитета стоял сенатор Вагнер, который должен был символизировать готовность со стороны демократов следовать и дальше по пути реформ, хотя сам сенатор был настроен пессимистически в отношении достигнутого и достижимого⁷⁹.

Между тем потребность в глубоких переменах не отпала; она все яснее сознавалась значительной частью общества⁸⁰. Рост орга-

⁷⁶ *Huthmacher J. J. Op. cit.*, p. 213—216.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 238—243.

⁷⁸ NYPL, F. La Guardia Papers, 1939 (Good-Gray), Frank Gannett to F. La Guardia, March 4, 1939; *Lash J. P. Op. cit.*, p. 611.

⁷⁹ Library of Congress, F. Frankfurter Papers, Box 109, Robert F. Wagner to Frankfurter, June 25, 1937.

⁸⁰ Несоответствие между желаемым и достигнутым признавалось также и многими в окружении Рузвельта. Весной 1937 г. Генри Уоллес, министр сельского хозяйства, выступая в Экономическом клубе Нью-Йорка, признал, что «четыре года героических усилий» не вывели американское общество

позволяющей рабочему движению сам по себе становился фактором силы, действующим в пользу таких перемен. Неуклонное повышение его сознательности также сказывалось на критической переоценке пройденного пути. Это относится прежде всего к тем отрядам рабочего движения, которые играли авангардную роль в борьбе, — машиностроители, металлурги, шахтеры, химики и т. п. Речь идет не только об осознании ими необходимости вести упорную борьбу в защиту чисто экономических требований, но и о качественно новом уровне понимания ими расстановки классовых и политических сил в обществе, перспектив его развития.

Достигнутая более высокая ступень классового самосознания рабочих (прежде всего в отраслях промышленности с массовым производством), как справедливо отметил американский историк Д. Монтомери, проявилась тогда и в расширении борьбы за осуществление демократического контроля за деятельностью отдельных частных предприятий⁸¹, и в усилении тяги к независимому политическому действию, и в поиске путей выхода из кризиса на основе выработки антикапиталистических программ, создания и расширения национализированного сектора и т. д. Даже среди ведущих лидеров АФТ зрело убеждение, что «великая депрессия» была неизбежным следствием «фатальных дефектов» экономики страны, среди которых в числе первых называлось отсутствие механизма, способного осуществлять координацию производства, развития финансово-кредитной системы, сферы распределения и т. д.⁸² Разумеется, гомперсисты не высказывались об этом публично, но о необходимости создания государством постоянно действующей системы общественных работ исполком АФТ заявил открыто в своем обращении к буржуазным партиям⁸³.

Горячую заинтересованность в последовательном осуществлении социальных преобразований и активизации правительства в данном вопросе проявили профсоюзы КПП, из которых многие своим рождением обязаны были коммунистам и левым. Ближайшей задачей они декларировали проведение через конгресс законов о минимуме заработной платы, гарантиях прав профсоюзов и расширении участия рабочего движения в определении правительственной полити-

из тупика, куда завела его коллизия антагонистических интересов «различных экономических групп», конфликт между бедностью и богатством, погоней за прибылью любой ценой и реальным бесправием доброй «половины нации», ставшей жертвой экономической анархии и вопиющей недооценки социальной ответственности со стороны государственной власти. См.: FDRL, A. Williams Papers, Box 5, Address by Secretary Waller before Economic Club of New York, February 3, 1937. В кульминационный момент реформаторской деятельности ньюдиллеров сенатор Р. Вагнер писал Ф. Франкфуртеру: «Чувствую, что мы сделали минимум того, что следовало бы сделать» (Library of Congress, F. Frankfurter Papers, Box 109, Robert F. Wagner to Frankfurter, June 25, 1937).

⁸¹ *Montgomery D. Workers' Control in America. Studies in the History of Work, Technology and Labor Struggles.* L.; N. Y., 1979, p. 164.

⁸² Library of Congress, John P. Frey Papers, Box 12, Folder «Notes and Memoranda (2)».

⁸³ *Taft Ph. Op. cit.*, n. 305.

ки⁸⁴. Вместе с тем весь дух и вся практика «нового тред-юнионизма» позволяли судить о том, что его социальные идеалы простираются дальше чисто экономических требований. Лен Де Кокс, один из руководителей КПП, вспоминал: Конгресс производственных профсоюзов «представлял собой устремленное к значительным целям воинственное движение. Он добивался вовлечения трудящихся США в профсоюзы во имя улучшения их жизненных условий и вместе с тем он не ставил пределы чаяниям, которые вполне естественны для хорошо организованного боевого и ведомого умными лидерами пролетарского движения, если оно нацелено на последовательную трансформацию общества»⁸⁵.

На первой национальной конференции в Атлантик-Сити (октябрь 1937 г.) КПП выработал законодательную программу, которая вобрала в себя наиболее существенные требования, разделяемые основной массой членов американского профдвижения. Бросается в глаза, что акцент в ней был сделан на «фундаментальное требование» закрепления в законодательном порядке права на работу. Для этого предлагалось обязать всех предпринимателей строжайшим образом соблюдать права рабочих, зафиксированные законодательством «нового курса». Выдвигалось требование введения федерального законодательства, регулирующего продолжительность рабочего времени и минимальные ставки заработной платы в промышленности. От этой меры ожидали многого, и прежде всего роста занятости. Предлагалось также принять поправки к законодательству о социальном страховании, сделав его максимально отвечающим сложившимся условиям, демократичным (т. е. осуществляемым под контролем трудящихся), охватывающим все категории трудящихся без каких-либо изъятий⁸⁶.

Проблема занятости и обеспечения миллионов обездоленных людей необходимым минимумом жизненных благ оставалась полностью не решенной. Несмотря на все усилия, безработица уменьшилась незначительно. На заседании Чрезвычайного экономического совета в присутствии Ф. Рузвельта в конце декабря 1935 г. представители министерства труда приводили цифру — 12 млн. безработных, что лишь на 2 млн. было ниже уровня 1933 г.⁸⁷ А тем временем индекс промышленной продукции достиг 90 пунктов от уровня 1929 г. Обозначившийся в 1936 г. новый спад в экономике сделал данную проблему самым больным местом в системе отношений, сложившихся между правительством и организованным рабочим движением. Рабочий альянс (организация движения безработных, возглавляемая коммунистами и левыми) все настойчивее критиковал правительство за самоустранение от поисков оптимальных решений в этом направлении⁸⁸.

⁸⁴ Josephson M. Op. cit., p. 401—403.

⁸⁵ W. Reuther Library, Labor History Archives, Oral History. Interview of Len De Caux, p. 4, 5.

⁸⁶ Committes for Industrial Organization, The Program of the C. I. O. Wash., 1937, p. 12, 13.

⁸⁷ New Deal Mosaic, p. 496.

⁸⁸ People's Press, 1936, Oct. 31.

Профсоюзы поддержали эту критику. Гопкинс и другие лидеры демократической партии, признавая растущее значение организованного движения безработных, его влияние на политическую обстановку⁸⁹, настойчиво советовали президенту избегать серьезного конфликта с ним.

Всем ходом событий рабочее движение было поставлено перед дилеммой, следовать ли дальше в русле буржуазного прогрессизма или, не порывая с ним полностью, сделать решительные шаги в направлении политической самостоятельности и последовательного сдвига влево⁹⁰. Мысль об ограниченности буржуазной демократии и о необходимости создания вокруг КПП широкого политического движения трудового народа в качестве первого шага к разрыву с традицией «хвостизма» присутствует во многих документах «нового тред-юнионизма», дошедших до нас⁹¹. Поддержка профсоюзами рабоче-фермерских партий, созданных на местах, также говорит о многом.

Не переоценивая масштабов радикализации рабочего движения, нельзя не признать, что достигнутый им в считанные годы уровень развития выглядел внушительно. Никто о нем уже не мог говорить, как о ничтожно малой величине в балансе социальных сил, не способной постоять за себя. Вот почему требование решительного пересмотра положения, при котором рабочий класс и рабочее движение оставались не представленными на всех уровнях государственной власти, звучащее в устах многих видных руководителей профдвижения 30-х годов и в документах профсоюзов, воспринималось либералами в обеих буржуазных партиях как вызов господствующей политической системе, как сигнал к разрыву с ней.

Рузвельт придавал серьезное значение этим тревожным для устойчивости двухпартийной системы симптомам и принимал меры к устранению потенциальной угрозы ее кризиса и развала. С политической точки зрения для него вопрос решался просто: следуя традициям брайанизма, президент отдал указание лидерам демократов о поглощении местных рабоче-фермерских партий, «приручении» их под эгидой широкого «исторического блока», присягнувшего на верность администрации «нового курса». Эту тактику Рузвельт считал вполне оправданной, особенно после успеха республиканцев на промежуточных выборах 1938 г., вызвавшего обострение внутренних конфликтов в его собственной партии⁹². Но в идеологическом плане перед ньюдиллерами встала сложная проблема, ибо сближение с социал-реформистскими партиями вроде рабоче-фермерской партии

⁸⁹ FDRL, A. Williams Papers, Box 4, H. L. Hopkins to FDR, September 11, 1935; Williams to E. Roosevelt, August 18, 1939; Papers of Harry L. Hopkins, Confidential Political File, 1938—1940, Box 121, B. Sperling to James A. Farley, November 4, 1937.

⁹⁰ W. Reuther Library, Labor History Archives, H. Kraus Collection, Box 6, Radio Broadcast, Mr. Arthur Green, July 4, 1936.

⁹¹ Ibid., The Walther P. Reuther Papers, Document «New America and Labor (1938?)».

⁹² Печатнов В. О. Демократическая партия США: избиратели и политика, с. 22—24.

Миннесоты или Американской рабочей партии штата Нью-Йорк, профсоюзам, движением безработных, укрепление социальной базы коалиции «нового курса» за счет притока демократических сил (издольщиков Юга, организаций черного населения, женщин, молодежи т. д.) не могло пройти бесследно, не вызвав определенных изменений в социальной доктрине демократической партии⁹³. Появление в дальнейшем доктрины «народного» капитализма тесно связано с этим фактом.

Размах массовой борьбы трудящихся в конце 30-х годов в сочетании с успехами движения народного фронта во многих странах Европы и Америки заставил Рузвельта и его сторонников в конгрессе вновь поднять вопрос о войне с бедностью и под этим флагом возобновить кампанию поддержки ряда прогрессивных законопроектов. Натянутость отношений между организованным рабочим движением и администрацией в 1937 г. уменьшилась.

Стремясь не упустить шанс и прочнее привязать рабочее движение к политическому либерализму, Рузвельт снова прибегает к методам патронажа и разного рода реорганизациям. Правительство заняло довольно резкую антитрестовскую позицию, были приняты программа расширения общественных работ и ряд мер помощи «оказавшимся в критической ситуации» семьям рабочих в индустриальных центрах⁹⁴. 1 сентября 1937 г. Рузвельт подписал закон Вагнера — Стигалла о создании Администрации экономического строительства, призванной обеспечить содействие государства строительству жилья для малоимущих семей. Ее финансовые возможности были ограничены, но принципиальное значение этой меры нельзя недооценивать. Согласие Рузвельта поддержать законопроект о справедливом найме рабочей силы стало еще одной вехой в процессе «реабилитации» рабочей политики правительства.

Движение рабочих в защиту билля о минимуме заработной платы и максимуме продолжительности рабочего времени, как мы видели, связано было с попытками найти средство смягчения анархии капиталистического воспроизводства, порождающего хроническую массовую безработицу. Демократы в избирательной платформе 1936 г. не обошли вниманием этот вопрос⁹⁵. На первых порах администрация играла довольно активную роль в разработке законопроекта, включавшего также статьи о запрещении детского труда и различных видов антипрофсоюзной практики предпринимателей. Но затем, когда Национальная ассоциация промышлен-

⁹³ Многие «регулярные» демократы — сторонники Рузвельта выражали недовольство отступлением, как они заявляли, от первоначальной программы «нового курса», программы умеренного либерализма. Их тревожило появление социал-демократических фракций в составе организаций демократической партии в штатах, снижение роли партийных машин на местах и т. д. См.: FDRL, Papers of Harry L. Hopkins, Confidential Political File, 1938—1940, Box 121, Frank Tierney to Hopkins, October 2, 1939; Tierney to L. Mellett, October 3, 1939.

⁹⁴ Ibid., A. Williams Papers, Box 4, Franklin D. Roosevelt to Harry Hopkins and Williams, May 17, 1938.

⁹⁵ Douglas P. H., Hackman J. The Fair Labor Standards Act of 1938.— Political Science Quarterly, 1938, Dec., p. 492.

ликов и большинство южных предпринимателей, широко использовавших дешевый труд неквалифицированных негритянских рабочих в конкурентной борьбе с северными промышленниками, высказали отрицательное отношение к биллю, правительство предоставило событиям развиваться своим чередом. Это ослабило позиции его сторонников в конгрессе. В конце 1937 г., казалось, уже не было никаких надежд на то, что очередная сессия конгресса вообще будет рассматривать билль⁹⁶.

Есть основание утверждать, что политические итоги 1938 г. послужили Рузвельту толчком к новым размышлениям по вопросам социальной стратегии. Линия размежевания между прогрессистами и консерваторами в демократической партии в это время в силу неодинаковой оценки событий внутри и вне США приобрела более отчетливые контуры, причем раскол партии и выход из нее левого крыла в случае победы консерваторов на предстоящем съезде партии в 1940 г. представлялся всем делом почти решенным. Информация с мест, стекавшаяся в Белый дом, свидетельствовала о глубине разногласий и о складывании предпосылок создания массовой третьей партии на базе профсоюзов и движения безработных⁹⁷. Резкий маневр Рузвельта в сторону отмежевания от консерваторов и возобновления «проработки» законопроекта о справедливом найме рабочей силы следует поставить в связь с этой ситуацией. Приняв решение, Рузвельт действовал весьма энергично и изобретательно. Не вняв угрозам справа, президент буквально заставил конгресс проголосовать за билль Блэка — Коннери.

Принято считать, что это событие символизировало конец, «нового курса». Едва ли с этим можно согласиться без оговорок. Верно, что уже в 1939 г. Белый дом начинает тайно налаживать отношения с консервативной оппозицией. Нарастание военной опасности в Европе и желание видеть демократическую партию единой заставили Рузвельта отказаться от линии на конфронтацию с правой оппозицией и даже признать ее ошибочной. Но от одного субъективного желания президента не зависело быть или не быть продолжению эры реформ. Движущей силой процесса либерализации начиная с 1933 г. были и оставались народные массы, прежде всего рабочий класс, чья инициативная, а порой и самостоятельная роль в событиях обеспечила многие демократические перемены. Об этом свидетельствовало увеличение новых сил в местных legislatures, избрание и назначение прогрессивно и даже радикально настроенных деятелей на важные общественные посты и т. д. И хотя такого рода перемены далеко не всегда соответствовали планам рузвельтовских либералов и самого президента, они вынуждены были с ними считаться и даже использовать в собственных политических интересах средством давления на консервативную оппозицию.

Нельзя не признать вместе с тем, что накануне войны положение в рабочем движении оставалось крайне сложным. Шла острая борьба двух тенденций — радикальной и умеренно-консервативной, если

⁹⁶ Ibid., p. 511.

⁹⁷ FDRL, Papers of Harry L. Hopkins, Confidential Political File, 1938—1940, Box 120, W. Evjue to James A. Farley, December 12, 1938.

упоминать только главные. Буржуазная реакция лихорадочно мобилизовывала дополнительные силы и средства для обработки общественного мнения страны в антирадикальном духе, в духе преданности «американским традициям», в духе антикоммунизма. Это обстоятельство вносило еще больший разброд в ряды рабочей демократии и ее союзников. И все же было неясно, какая из двух тенденций возьмет верх. Вот почему и после 1939 г., стремясь сохранить широкую социальную базу, на которую долгие годы опиралась его администрация, Рузвельт предпочитал действовать в духе формулы «прогрессивного либерализма», хотя никто из ньюдиллеров, включая Рузвельта, ни тогда, ни позже не мог (или не хотел) объяснить, что конкретно подразумевается под этим понятием⁹⁸. Тем не менее стремление придерживаться оправдавшего себя в их глазах курса представляется бесспорным.

Всю подготовку к съезду демократической партии в 1940 г. ньюдиллеры провели под девизом удержания важнейших рычагов власти в своих руках⁹⁹, а успех на выборах осенью 1940 г. они рассматривали как залог сохранения коалиции «нового курса». Гопкинс в ряде писем говорил об итогах выборов как о победе демократии, «народа», а Франкфуртер утверждал, что Рузвельт, вновь вступив на пост президента, преисполнен мессианским духом¹⁰⁰.

Однако ход событий не оправдал эти оптимистические прогнозы. К концу третьего срока пребывания Рузвельта на посту президента реакция и движение к контрреформе набрали силу. Одной из причин этого являлось то, что либерализм ньюдиллеров, подчиненный всецело классовым интересам буржуазии, носил верхушечный, элитарный характер. Спонтанность, непоследовательность были его отличительной чертой, а боязнь почина демократических масс — родовым признаком. Вне зависимости от устремлений каждого из ньюдиллеров социальная политика «нового курса» в целом была подчинена одной задаче — спасению капитализма как системы. Это вело к обострению присущих американскому обществу неустрашимых внутренних противоречий.

⁹⁸ Многие видные деятели из окружения Рузвельта понимали, что неспособность либерализма сформулировать продуманную и обоснованную программу поступательного развития чревата тяжелыми и далеко идущими последствиями не только с точки зрения развития внутренних условий в стране, но и роли США в мировом сообществе. Высказывались опасения, что, если «новый курс» остановится на достигнутом, это будет означать капитуляцию перед реакцией, а следовательно, отрицательно скажется и на позиции США в мировых делах. Честер Боулс, например (тогда глава Администрации по контролю над ценами), писал С. Розенману в 1943 г.: «По моему мнению, провал в деле дальнейшей разработки либеральной программы может иметь своим результатом упадок нашей демократии и рост агрессивного национализма в США, который мог бы стать даже еще более опасным для всеобщего мира, чем был в прошлом наш изоляционизм» (FDRL, S. Rosenman Papers, Box 1, General Correspondence, Chester Bowles to Rosenman, December 23, 1943).

⁹⁹ FDRL, Papers of Harry L. Hopkins, Confidential Political File, 1938—1940, Box 120, Memoranda, May 28, 1939; *Lash J. P.* Op. cit., p. 796, 811.

¹⁰⁰ FDRL, Papers of Harry L. Hopkins, Confidential Political File, 1938—1940, Box 120, Hopkins to L. Moore, November 18, 1940; Library of Congress, F. Frankfurter Papers, Box 74, Frankfurter to Laski, November 27, 1940.